

О православной государственности

П. С. Лопухин

Апостолъ Іоаннъ уже не говоритъ о Тайной Вечери, о Евхаристіи, о приобщеніи людей Христу Богу. Объ этомъ уже сказали Евангелисты, писавшіе до него, онъ говоритъ о Церкви — о бытіи приобщенныхъ Богу людей.

Церковь — не отъ міра. Церковь — иное бытіе въ этомъ мірѣ.

"Я въ нихъ".

Церковь — Христосъ на землѣ.

Поэтому отношеніе Церкви къ міру и ко всему, что отъ міра; такое же какъ отношеніе Господа Іисуса Христа къ нему.

Черезъ воплощеніе Господь соединился съ міромъ несліянно и нераздѣльно. Не сталъ только человѣкомъ, не слился съ міромъ и не отдѣлился отъ него, не остался только Богомъ.

Такъ Церковь, Тѣло Христово, въ отношеніи къ міру, отнюдь и никогда не можетъ слиться съ міромъ и никогда отдѣлиться отъ него. Всякое нарушеніе этой истины — обмірщеніе Церкви или наоборотъ отдѣленіе отъ него — есть всегда искаженіе, болѣзненное нарушеніе правды, того что подлинно есть, что подлинно должно быть.

Церковь есть бытіе въ единствѣ съ Богомъ.

Когда мы говоримъ это, мы всегда должны помнить о Св. Троицѣ.

"Пресвятая Троица, Боже нашъ, слава Тебѣ".

Въ Ней единство множественности. Преодолѣніе раздѣленности.

Въ Ней единство, несліянность и нераздѣльность.

Въ Ней таинственное начало и законъ жизни.

"Живоначальная Троица слава Тебѣ". Призывъ къ приобщенію Богу есть призывъ къ приобщенію Троицной жизни къ единству множественности. Если у человѣка не троичное, а монархическое пониманіе Бога, то отношеніе къ Богу должно пониматься имъ только какъ подчиненіе Богу. Вопросъ объ отношеніи къ людямъ, о единствѣ съ ними не ставится, развѣ только въ порядкѣ чисто моральномъ, чтобы угодить Богу, если это

почему либо Богу угодно.

Въ пониманіи цѣли жизни въ приобщеніи Богу Св. Троицѣ, приобщеніи троичной жизни — отношеніе къ людямъ входитъ въ самое существо Троичной Жизни. Человѣкъ съ людьми долженъ жить троично — неслиянно и нераздѣльно — и нарушение этого начала жизни всегда вызываетъ боль и духовную тоску. Не жизнь, а болѣзнь и смерть.

Эти основныя начала Православія надо помнить и посильно понимать, когда обсуждается вопросъ объ отошеніи Церкви къ міру, къ явленіямъ мірской жизни и въ частности къ государству.

Всѣ эти явленія Церковь, Православіе, должно оцѣнивать съ точки зрѣнія основной цѣли жизни человѣка — приобщенія къ Святой Троицѣ и троичной жизни: противодѣйствуетъ ли данное явленіе этой цѣли или нѣтъ.

Для вождельнаго единства съ Богомъ "и такъ всегда съ Господомъ будемъ" (Сол. IV, 17), въ вѣчной жизни, нужно быть причастными еще здѣсь на землѣ Церкви, Тѣлу Христову, къ созданной Господомъ І. Христомъ въ Самомъ Себѣ новой Богочеловѣческой жизни, которой приобщились Св. Апостолы, которая и будетъ всегда и "врата адовы не одолѣють Ея" (Мѡ. XVI. 18).

Приобщенность этой жизни требуетъ отъ человѣка усилія: "Царство Небесное силою берется и употребляющіе усиліе восхищаютъ его" (Мѡ. XI, 12).

Христіанинъ — человѣкъ волевой, динамичный, онъ проситъ, стучитъ, ищетъ. Онъ гребетъ противъ теченія. Преп. Серафимъ въ своихъ бесѣдахъ даетъ характерныя черты христіанина и его внутренней дѣятельности для стяжанія Благодати Духа Святаго. У него должно быть живое исканіе прикосновенія и приобщенія Благодатному міру. Онъ долженъ быть духовно сообразительнымъ. Дѣлать то, что духовно полезно, — "торговать тѣми товарами (дѣлами), какіе приносятъ прибыль": христіанству нуженъ человѣкъ свободный и волевой, нужна личность. Человѣкъ не долженъ обезличиваться и растворяться въ обществѣ. Съ обществомъ онъ долженъ жить нераздѣльно, но не слиянно.

Общественная жизнь должна быть такъ создана, чтобы не только не мѣшать, но даже содѣйствовать спасенію человѣка. Надо создавать условія и обстановку, соотвѣтствующую задачѣ человѣка жить Церковно.

Всѣ вопросы жизни — воспитанія, семьи, школьныхъ общежитій, организацій молодежи, все должно быть продумано съ этой точки зрѣнія и

для этого надо умѣть продумывать всѣ вопросы жизни съ православной точки зрѣнія. Блаженнѣйшій Митрополитъ Антоній видѣлъ въ этомъ направленіи передъ православнымъ сознаниемъ огромную работу. Надо все продумать и провѣрить. Владыка Митрополитъ говорилъ, что наприм. и воинскій уставъ надо провѣрить и продумать съ указанной точки зрѣнія. Это работа большая и для проведенія ея нужно овладѣть методомъ изслѣдованія и данныя строки есть попытка опредѣлить этотъ методъ и намѣтить основныя вѣхи православной мысли по нѣкоторымъ вопросамъ, въ частности по вопросу объ отношеніи Церкви и государства.

Государство есть организованная властью общественная жизнь.

Государство есть плодъ сознательнаго и цѣлеустремленнаго творчества человека и государство можно устроить по разному и въ немъ создать ту или иную обстановку и настроеніе жизни.

Государство создается и направляется властью.

"Власть, само явленіе власти, властно-подчиненныхъ отношеній между людьми, — богоуоставлена и "нѣсть власти, аще не отъ Бога" (Рим. XIII I).

Власть есть сила объединяющая людей. Подчиняясь власти, также какъ и другіе, человекъ выходитъ изъ состоянія изолированнаго индивидуализма. Власть не даетъ людямъ раздѣляться, проводить начало ихъ связанности, ихъ нераздѣльности. Въ этомъ главное значеніе ея.

Власть можетъ создавать объединеніе самаго разнообразнаго вида и содержаія. Можетъ быть объединеніе чисто внѣшнее, грубое, грубыми средствами, но даже и въ такомъ случаѣ оно имѣетъ значеніе и смыслъ.

Но съ самаго установленія власти Господь даетъ ей проявляться въ патріархатѣ (или матріархатѣ, это безразлично). Съ отцомъ есть нѣкоторыя виутреннія отношенія. Власть отца уже не только простая сила покоряющая: въ ней есть уже капля внутренниихъ нравственныхъ отношеній.

Какъ исторически развивается власть и властно-подчиненныя отношенія — эта предметъ историческихъ изслѣдованій или художественныхъ догадокъ, насъ интересуеетъ жизнь этой капли. Она живетъ въ области неясной, инстинктивной, можетъ быть подсознательной. Можно сказать, что нравственныя представленія и императавъ этой нравственной сиды были величиной колеблющейся. Однако по Библии видно, что въ періодъ судей, въ Израилѣ, народѣ религіозно одаренномъ, народу былъ ясенъ религіозный и какой то, иногда трудно понимаемый, нравственный смыслъ его жизни.

Однако ко времени Самуила-Саула эти представления и влияния нравственного начала настолько падают, что народъ хочетъ устройства жизни на иныхъ началахъ — какъ у прочихъ народовъ, живущихъ безъ религиозно-нравственного осмысленія жизни, и проситъ пророка Самуила: "поставь намъ царя" (1 Цар. VIII, 5).

Эта просьба глубоко огорчаетъ Самуила, но Господь, утѣшая его, говоритъ: "не тебя они отвергли, но Меня отвергли отъ царствованія надъ ними".

Ясно, что отверженіе въ томъ, что оставляется религиозно-нравственный смыслъ жизни и даже религиозно-одаренный, избранный народъ хочетъ жить "какъ прочіе народы". Нѣкоторые хотятъ видѣть отверженіе имснпо въ томъ, что хотятъ Царя, какъ будто ставится дилемма или Богъ или Царь. На самомъ дѣлѣ отвержеше не въ Царѣ, а въ отверженіи религиозной идеи Израиля. Это видно изъ того, что Самуиль, по Божіему указанію, описываетъ народу какъ царствуетъ Царь не знающій Бога, безграничный деспотъ, и когда народъ все-таки хочетъ Царя (Ц. VIII, 19) и государственной, а не религиозно общественной организациі жизни; то Господь приказываетъ исполнить волю народа и поставитъ Царя. Значитъ дѣло не въ немъ.

Изъ этого ясно, что Господь благословляетъ государственность. Потомъ Самъ Г. І. Христосъ скажетъ, что надо "воздавать кесарево кесарю" (Мѡ. XXII, 21), т. е. жить государственно. Это не есть высшій видъ общественной жизни, но не только допустимый, но даже благословляемый, когда власть знаетъ Законъ Божій.

Власть есть проявленіе воли и сознанія. Не можетъ быть власть безъ сознанія, безъ философіи и міровоззрѣнія.

Богомъ благословляется власть, знающая Законъ Божій: объ этомъ говоритъ Израилю Второзаконіе (17, 14-20): "когда придешь въ землю . . . и скажешь: поставлю я надъ собою Царя, подобно прочимъ народамъ, то поставь надъ собою Царя, котораго изберстъ Господь изъ среды братій твоихъ . . . и когда онъ сядетъ на престолѣ царства своего, то долженъ написать себѣ въ книгу списокъ съ этого закона . . . и пусть читаетъ его во вся дни жизни своей. . . дабы долгое время пробылъ онъ въ Царствѣ своемъ, онъ и сыны его среди Израиля".

Таково условіе благословенія.

Это очень поучительно: Царь и царство не есть противопоставленіе Богу, но Царь и царство не есть явленіе само по себѣ священное, благословенное, ибо благословляется оно въ зависимости отъ отношенія Царя и царства къ

Богу и Закону Божию.

Царь и царство, не знающие их, явление не только не священное, но противохристианское, и св. Иосифъ Волоцкій говоритъ: "Царь не знающій Закона Божія не Царь, но діаволъ".

Поклонснїе Царю, какъ таковому, безотносительно къ его отношенію къ Закону Божию, есть явленіе языческаго міра и тамъ оно имѣетъ религіозное обоснованіе: власть есть атрибутъ божественный — Царь, носитель власти, божественной силы - божествененъ. Отсюда и титулъ Божественный. Недавно въ "Церковной Жизни" напечатанъ переводъ со стариннаго греческаго произведенія объ отношеніи окруженія царя Ирода къ Іоанну Крестителю: по ихъ мнѣнію его надо отпустить или убить, если на самомъ дѣлѣ онъ проповѣдуетъ иного Царя Іудейскаго и тѣмъ "возстаетъ противъ твоей божественности". Такъ они говорятъ Ироду. Если это и выдумка, то это яркій образъ возможнаго тогда отношенія къ Царю.

Народъ вѣрилъ въ божественность императора и относился къ нему испуганно-восторженно. Говорятъ о чудссныхъ исцѣленіяхъ прикосновснїемъ Императора (кажется, главнымъ образомъ накожныхъ заболѣваній).

Въ христїанскомъ пониманіи Царь, кромѣ того что онъ объединяетъ людей, какъ и другіе властители, онъ еще и защитникъ нравственнаго Закона Истиннаго Бога.

Та капля нравственнаго содержанія власти, ранѣе жившая въ неясной инстинктивной области, со времени Самуила-Саула становится опредѣленной, — написанной, — обязательной для Царя; силой Царь долженъ защищать доброе и преслѣдовать злое. Онъ защитникъ Закона Истиннаго Бога.

Не надо думать, что защищать нравственно положительное могутъ только христїане. Ап. Павелъ говоритъ; что есть язычники, у которыхъ "дѣло закона написано въ сердцахъ, о чемъ свидѣтельствуется совѣсть ихъ и мысли ихъ, то обвиняющія то оправдывающія одна другую", Они идутъ ощупью, у нихъ нѣтъ философіи добра, у нихъ нѣтъ "списка" Закона передъ глазами, "но они по природѣ законное дѣлаютъ" (Рим. II, 14-15). Если и язычншш могутъ поступать такъ, то неправильно представлять, что только Православные Цари могутъ защищать нравственное начало, защищать "Правду Божию", понимая это какъ защиту нравственныхъ цѣнностей. Нѣтъ. это могутъ дѣлать и неправославные Цари и значитъ не только Православнымъ Царямъ доступно такое служеніе и не только въ этомъ ихъ значеніе. Смыслъ, значеніе, служеніе Царя Православнаго,

защитника Истинного Закона, не только въ этомъ, что доступно и неправославнымъ властителямъ, ихъ значеніе и служеніе глубже.

Чтобы ихъ понять, нужно предварительно остановиться на стреленіи возвеличиванія Царя. Тутъ мы увидимъ два вида возвеличиванія: возвеличиваніе служенія или возвеличиваніе царскаго положенія, какъ такового, и этотъ послѣдній видъ граничитъ съ обоженіемъ Царя. Можно думать, что въ основѣ такой тенденціи есть смутная жажда Боговоплощенія: человѣкъ, при всякомъ пониманіи Бога, хочетъ, чтобы Богъ былъ съ нимъ, здѣсь, на землѣ. Когда Спаситель сказалъ ученикамъ, что Онъ уходитъ отъ нихъ "печалью исполнилось сердце" ихъ, и Господь утѣшаетъ ихъ и говоритъ, что придетъ Духъ Святой "Утѣшитель". Ученики только потомъ послѣ сошествія Св. Духа, въ живомъ ощущеніи Божественнаго міра, поймутъ, что Богъ, Господь Иисусъ Христосъ, остался съ ними во Святомъ Духѣ. Нужно принять Св. Духа, одухотвориться, чтобы это понять и почувствовать, но сперва они опечалены, они хотѣли бы, чтобы Онъ былъ здѣсь съ ними всегда. Можетъ быть по недостатку одухотворенности Католичество говоритъ, что Папа — Намѣстникъ Христовъ здѣсь на землѣ: Христосъ здѣсь, съ людьми, въ намѣстникѣ.

Тенденція обоженія живуча и въ отношеніи христіанскихъ царей. Если уже нѣтъ признанія родственности богамъ, какъ у язычниковъ (говорятъ, мнѣ не удалось это прочесть, что Юлій Цезарь доказывалъ свое право быть императоромъ тѣмъ, что его тетка сродни Венерѣ), то охотно принимается, по происхожденію тоже языческая идея теократіи. Самъ Богъ правитъ черезъ Царя. Слово Царя есть слова Бога. Личность теократическаго Царя окружена таинственностью. Онъ вызываетъ въ людяхъ чувство восторга и страха, испуганнаго восторга и благоговѣнія. Онъ творитъ волю Божию. И потому, кстати сказать, теократія совершенно логично связана съ бюрократіей: послѣдняя — исполнительница воли Царя, т. е. воли Бога, и можно понять, что бюрократія особенно энергично и искренно проповѣдуетъ теократію и опирается на эту вѣру, въ защиту своей дѣятельности.

Есть тенденція понимать совершеніе таинства миропомазанія надъ Монархомъ, какъ доказательство, что черезъ помазанника осуществляется теократія. Извѣстный идеологъ монархизма, Л. Тихомировъ, говоритъ, что подчиненіе милліоновъ людей одному человѣку возможно при презумпціи, что онъ является представителемъ Высшей Силы или что онъ -- Божественный делегатъ. Въ монархѣ хотятъ видѣть представителя Бога на землѣ. Примѣчательно, что это наблюдается даже у православныхъ, которые должны вѣровать въ Церковь, Тѣло Христово, въ возможность приобщенія Богу въ Его Церкви. Но если Царь представитель Бога на землѣ, то уже не Церковь есть Христосъ на землѣ. Такъ восторженное возвеличеніе Царя и приданіе ему по сану и положенію божественнаго

ореола противорѣчитъ Православному міровоззрѣнію. Такая тенденція приводитъ къ тому, что какъ однажды недавно въ монархическомъ журналѣ говорилось, что "полнота Христіанства" на землѣ не въ Причастіи Святыхъ Таинъ Тѣла и Крови, а въ православномъ монархѣ . . . Есть католики, говорящіе, что цѣлованіе руки Папы есть пополненіе Причастія. Это тоже представленіе, что вотъ Самъ Христосъ здѣсь съ нами, не въ Тайнствѣ Причастія, а въ Своемъ Намѣстникѣ. Одинъ священнослужитель русскій православный говорилъ о томъ, какая милость Божія въ томъ, что съ нами, въ Зарубежной Церкви, есть Архіереи рукоположенные при Царѣ потому, что только "санкція Царя даетъ полноту хиротоніи". Эти еретическія мысли говорятъ, какъ живучке указанное страстное стремленіе.

На самомъ дѣлѣ Міропомазаніе есть Таинство преподанія Даровъ Св. Духа. Оно совершается надъ всѣми христіанами разъ въ жизни при крещеніи и мы видимъ поразительное явленіе силы этого Таинства въ томъ, какъ дѣти воспринимаютъ Слово Божіе. Надъ Царемъ оно совершается при коронованіи. Но міропомазаніе не имѣетъ отношенія къ теократіи и само таинство никого не перерождаетъ механически, но даетъ силы и одухотворяетъ, поскольку человекъ хочетъ и ищетъ одухотворенія и пріобщается "не въ судъ или осужденіе".

Помазанникъ значитъ избранникъ. Помазанниками называли не только царей (напр. помазаніе Аарона). И отнюдь не только христіанскихъ царей. Значеніе царей и держателей власти въ томъ, что они исполняютъ божественную миссію объединенія людей. Быть царемъ и особенно Царемъ, знающимъ Законъ Божественный, трудно. Царей надо почитать: "что не бережете помазанника Божія?"; "Неужели не умереть за то, что злословилъ Помазанника?" (2 Ц. XIX, 21).

Но слово Божіе называетъ помазанниками не только христіанскихъ или израильскихъ Царей. У пророка Исаіи читаемъ: "Такъ говоритъ Господь Помазаннику Своему Кяру: Я держу его за правую руку, чтобы низвергнуть народы предъ нимъ. Ради Израиля я называю тебя по имени. Величаю, хотя ты Меня не знаешь" (Ис. 45). Иногда Господь такихъ держателей власти "препоясываетъ" для наказанія людей "ради правды". Есть страстные толкователи, которые и эти слова приводятъ въ доказательство, что Царская власть сама по себѣ Божественна и всегда теократична.

Есть много видовъ монархической власти, иногда даже во многомъ противорѣчивыхъ другъ другу, на примѣръ Православнаго Царя и Англиканскаго короля, и очень интересно продумать нравственную сторону монарховъ разнаго вида и характера, ихъ самочувствіе какъ держателей власти и пониманіе ими своего призванія и положенія, а также нравственное состояніе подвластныхъ тому или иному виду монархіи

людей. Это даетъ основаніе для оцѣнки этихъ видовъ.

Православный Царь долженъ осуществлять свою власть будучи въ мысляхъ и сердцѣ созвученъ "Закону Моему".

Но если и въ сердцѣ и въ мысли, то знаетъ, что Господь хочетъ пріобщенія людей Церкви, новой жизни и единства людей другъ съ другомъ въ Богѣ.

Вотъ главная цѣль жизни, и все должно ей подчиняться.

Но понявъ это симфоническій — Православный Царь не можетъ считать, что главная цѣль его властвованія только держать людей въ подчиненіи. Этого мало. Это только начало. Отъ людей надо имѣть не только покорность.

Разное пониманіе властвованія воспитываютъ разныя настроенія и дарованія властителя. Образно говоря догнать дикаго коня, накинуть ему арканъ на шею и покорить его; обуздать дикія орды; поставить на колѣни бунтующую толпу; держать народъ въ страхѣ гнѣва; властвуя защищать нравственныя цѣнности вызывать восторгъ красотой, величіемъ или нравственной высотой власти и т. д. Всѣ эти заданія требуютъ и развиваютъ разныя силы властителя.

Мы схематично вспомнили какъ зародилась власть, какъ въ ней зарождается нравственная сила, какъ изъ полусознательной она приходишь къ сознательной, къ руководству написаннымъ закономъ. Христіанство, Новый Завѣтъ, говоритъ: "вложу законы мои въ мысли ихъ и напишу ихъ на сердцахъ ихъ" (Іер. XXXI, 31-34; Евр. VIII).

Какъ понятно, что Христіанство привело къ Симфоніи Царства и Священства. Созвучія этихъ двухъ служеній.

Мы видѣли какую активность и инициативу хочетъ Пр. Серафимъ отъ людей, чтобы имъ пріобщиться Церкви.

Православный симфоническій Царь долженъ не только держать людей въ подчиненіи, но онъ долженъ еще ставить своей цѣлью добиваться того, чтобы они имѣли эту активность и умѣли жить въ единствѣ другъ съ другомъ ради Бога.

Такимъ образомъ для того, чтобы Православный Царь исполнилъ свое призваніе, достигъ цѣли своего царствованія, нужна не только его добрая воля, не только пониманіе имъ своего призванія, но еще нужна и православная общественная активность.

У Православнаго Царя съ православной общественностью общая задача. Царь не можетъ выполнить своего служенія-призванія, если онъ не поставитъ своей задачей создать условия для возможности существованія и дѣятельности Православной общественности, или если нѣтъ Православной общественности, если въ ней нѣтъ пониманія православной государственности.

Отсюда ясно насколько болѣе сложно и трудно властвованіе Православнаго Царя, по сравненію со всѣми другими видами властвованія и государственности.

Я не думаю, чтобы многіе Цари, написавшіе списокъ закона Божіяго и читавшіе его и лично преданные ему и храбрые и благородные, много думали о Божественной Троицѣ и о призваніи людей пріобрѣсти Троичную жизнь, и чтобы они понимали, что изъ этого слѣдуетъ для нихъ, для ихъ властвованія, для людей, для народа, для государственности.

Повидимому можно сказать, что всѣ прекратившія свое существованіе монархи пали въ борьбѣ не за вѣру, не за правду, а ради сохраненія принципа своей власти и обязанности людей ей подчиняться. У нихъ не было сознанія служенія истинѣ, поэтому они сравнительно легко отказывались отъ самодержавія, отъ своей свободы въ служеніи истинѣ, и тѣмъ нѣкоторыя сохранили свое положеніе, но уже безъ нравственной отвѣтственности самодержавно-свободнаго искренняго служителя истинѣ. Всѣ онѣ, и павшія и отказавшіяся отъ свободы, имѣли сознаніе власти или аристократическое или теократическое, но всѣ онѣ въ принципѣ были противъ общественной активности, противъ соборности служенія Царя и народа. Можно сказать, что монархіи пали потому, что не были православными, ибо православный царь долженъ быть за соборность и общественную активность. Это трудное и высокое служеніе.

Въ послѣдніе годы своей жизни Блаженнѣйшій Митрополитъ Антоній все чаще говорилъ, что у русскихъ, какъ и другихъ православныхъ народовъ нѣтъ ясной разработанной идеологіи, о томъ, что у насъ нѣтъ "православнаго патриотическаго катехизиса". Что у насъ нѣтъ "православной общественности, которая умѣла бы всѣ явленія жизни разбирать и оцѣнивать съ православной точки зрѣнія". Онъ говорилъ, что передъ нами открытое поле для большой культурной работы. Владыка горевалъ, что, не имѣя такого катехизиса, не имѣя разработаннаго ученія о православной государственности, и власть и общество руководилось идеями чуждыми Православной государственности. Говорилъ, что иногда православные Цари психологически мало отличались отъ протестантскихъ. Православный Царь долженъ имѣть Законъ "въ сердцѣ и въ мысляхъ". Къ этому идеалу можно приближаться больше или тѣмъ, или другимъ.

Въ Россіи не было "православной философіи права", не было ученія о православной государственности. Во всѣхъ Университетахъ читались лекціи о другихъ философіяхъ права, а о православной не читали. Это странный и большой прорывъ въ русской культурѣ, развивавшейся подъ разнородными и часто неправославными вліяніями. Къ концу 19-го вѣка въ Россіи началось православное возрожденіе. Насколько въ немъ нуждалась Россія хорошо видно изъ того, что совершенно поразительныя бесѣды Преподобнаго Серафима лѣтъ 60 пролежали безъ движенія: не было читателя, не было пониманія, потребности. Ученія не было, и потому, естественно, что въ дѣлѣ усвоенія Закона Божіяго мыслью и сердцемъ онъ сперва усваивался сердцемъ, въ духовной и сердечной жизни.

Во всѣхъ русскихъ Государяхъ были яркія нравственно-положительныя черты. По мысли Пушкина и Тютчева прежде всего честность. Но почти во всѣхъ можно отмѣтить слѣды неправославнаго вліянія, какъ даже и на всемъ русскомъ богословіи, до упомянутаго возрожденія.

Но со всей искренностью и убѣжденностью можно сказать, что самымъ православнымъ былъ Царь-Мученикъ, искренно желавшій той соборности, безъ которой нѣтъ православной государственности, и, кажется, можно сказать, что самой большой трагедіей Россіи было то, что въ ней не было православной общественности, которая поддержала Государя.

Онъ хотѣлъ жизни и соборности во имя Божіе, онъ стоялъ за Истину, и потому-то борьба противъ него стала борьбой противъ Православія, и Царь-Мученикъ сталъ жертвой возстанія противъ Бога.

Православное Обозреніе №35 1963 г.